

Андрей вынырнул из бездонных глубин сна, ощутив, что поезд начал притормаживать и остановился. Услышал, как вокзальный диктор объявляет прибытие, маршрут следования и время стоянки. Стоянка предстояла долгая. Рядом посапывала, да с лёгким всхрапыванием, раскинувшаяся во сне Ангелина. Он посмотрел на фосфоресцирующие стрелки швейцарских часов — её подарок на Новый год. Так и есть: поезд идёт точно по расписанию, и они в Самаре. Значит, на перроне, как обычно, в любое время: хоть днём, хоть полночь, летучая торговля конфетами и шоколадом, до которого Ангелина лакома. Готова есть и днём, и ночью. Особенно жалуется бельгийский. Но и от отечественного нос не воротит. Главное, чтобы подтаявший был. Обсасывает шоколадные дольки, а губы, выпачканные шоколадом, долго облизывает. Говорит, что в дитячестве мало шоколада ела — семья-то деревенская, да не шибко богатая. Пойти? Небось, холодно: февраль... Он полежал, подумал и решил: «Пожалуй, схожу. Здешний шоколад славится». Натянул спор-

тивные брюки, вздёрнул «молнию» на фирменной, в Мюнхене купленной, куртке с фирменной же надписью BMW и решил выглянуть в окно — не метёт ли метель? Сообразил: над перронами арочные навесы, укрывающие от непогоды. Напротив, окно в окно стоял вагон другого состава. У него в купе СВ-вагона свет не включён. Только тёмно-синий ночник под потолком. А в вагонном окне — напротив полуприглушённый свет. Видны внутренности плацкартного вагона и, как раз, боковая полка. Она ещё не разложена, несмотря на поздний час. За столиком, опершись на ладонь, сидит женщина во всём чёрном и в чёрном же платке. Лица не видно из-за ладони. Можно бы и идти за шоколадом. Но что-то, сразу и неприметное, привлекло его внимание. Что? Вдруг, словно кто-то ливанул крутой кипяток за ворот фирменной куртки и ожёг всю грудь. Ну, конечно, это была Её рука. Второй такой не могло быть! Да-да, это была её рука... Даша, Дашенька, Дашута...

Он лежал на больничной койке, обездвиженный после полёта через голову. Гипс, травма головы, мерца-

ющее сознание... Где-то далеко-далеко, в самых глубинах памяти, рёв двигателя, пестроцветье флагов, мелькание лиц болельщиков, которые он воспринимал боковым зрением, ограниченным шлемом и очками. А потом? А потом? Память упорно отказывала ему, гонщику от бога, в подробностях падения. Только один момент и вспоминался: он летит и видит землю, в которую сейчас должен врезаться лицом. А дальше — словно обрыв плёнки. И ни начала, ни конца. Только красная, влажноватая глина. И ещё — удивительное восприятие времени; тот короткий отрезок, секунды, а может, доли секунды, и он длится бесконечно долго. И тьма. Где он? Что он? Кто он? И опять непроглядная тьма беспмятства. Однажды утром, очнувшись, он наконец вспомнил: зовут его Андрей. А-н-д-р-ю-х-а, Андрюшечка, как звала его добрая нянечка. Лицо нянечки вспомнил: очки с сильными стёклами, от того глаза большие-пребольшие. Вспомнил, обрадовался и попытался открыть глаза. Чуть-чуть приоткрыл и сквозь слипшиеся ресницы разглядел тыльную сторону женской ладони, легонько похлопывающую его незагипсованную левую руку выше запястья. Ладонь приметная: мизинчик, кривовато сросшийся.

— Ну, где же ты, миленькая? — Ко-му-то говорил мягкий, грудной женский голос. — Зачем ты прячешься? Покажись. Ну же!

Андрей открыл оба глаза

— Очнулся? Молодец! — Заметив его взгляд, сказала медсестра. Сейчас колоть буду, только венку найду.

Венки у вас попрятались. Она была в высоком, туго накрахмаленном белом колпаке и марлевой повязке, закрывающей лицо до глаз.

— Я жив! — подумал Андрей. — Жив-жив-жив. — И он вновь погрузился в забытьё, сопровождаемый приятным прикосновением тёплой ладони с приметно искривлённым мизинчиком. Как это было давно!

В той, позабытой уже чемпионской жизни с её победами и восторгами, девочками-интервьюершами, тянущиеся к нему микрофоны, укрытые ветрозащитным поролоном, напоминающим некие мужиковские символы. И не случайно напоминающие. Одна из многих: глазастая, бойкая, говорливая... Да-да-да! Было дело. Он гонял на мотоцикле по пересечённой местности, а она гонялась за ним с острыми девичьим впечатлениями и очень любила — после соревнований, в гостиничном номере — мыть его под душем роскошной, наимягчайшей импортной губкой, которую специально возила с собой. Он, конечно же, балдел от её прикосновений, и она балдела, любуясь, как мыльная пена медленно сползала к ногам по его мускулистому телу — такой пунктик, такой стартёр был у неё, у маленькой неуёмной сучонки. Много позже, когда он окончательно в больнице пришёл в себя, вспомнил: именно она и погубила его карьеру и почти жизнь. Выскочила, восторженно вопя, с фотоаппаратом за ограждение гоночной трассы. Мгновенно поняв, что сейчас убьёт её, он тогда резко крутанул руль Зверя и... На

этом его взаимоотношения с прессой прервались. Он остался жив, а потому писать было не о чем, вернее, это не интересно читателям и зрителям. Пописали, поталдычили немного сразу после падения и забыли. А когда он освободился из гипсовой неволи и начал многомесячный путь реабилитации, на слуху давно уже были новые кумиры, новые аварии, новые беды, новые трупы, на которые слетались, как африканские грифы, алчущие сенсаций репортёры. Кстати, та репортёрша ни разу не появилась в больнице. Ни тогда, когда он лежал почти бездыханный в реанимации, ни в дни и недели его беспомощности. Ни позже — как и не бывала. А Дашенька — так её кликали коллеги — с ним постоянно, пять дней в неделю, поскольку процедурная медсестра. Значит, все капельницы и мучительные перевязки — её забота. Позже он увидел её лицо и взгляделся в глаза. Такое простое, скуластенькое лицо, курносенький носик, в меру полные губы. А глаза — диво, какие глаза! Зелёная радужка с жёлтыми точечками-вкраплениями. В доаварийные времена Андрей, знакомясь, в первую очередь, смотрел на женские глаза. Они прельщали прежде всего прочего. И жену будущую он приметил за красивые, подведённые её глазоньки. Правда, тогда не хватило житейского опыта понять; красота женская — намастыренная, а потому обманчива. На второй день после свадьбы Виктория вымыла голову на кухне в тазу — они тогда снимали квартиру в старом доме, можно сказать, сарае. И любимая предстала

пред ним без боевой раскраски-макияжа. Ах, какое это было разочарование! В буквальном смысле: утрата чар, пред которыми он до того устоять не мог. Всё осталось при ней, буквально, за что ни ухватись! А глаза... Попросячки какие-то реснички! И голос! Откуда у неё взялся после свадьбы такой голос... Словно жило в ней два голоса: один — досвадебный, пока они женихались, и она не допускала его руку туда, куда руке до свадьбы залезать не положено, не говоря о всяком прочем. А другой — каким она начала верещать после бракосочетания, уверившись, что теперь-то он никуда не денется. Но, как говорится, снявши голову, по волосам не плачут. Кстати, она всё же навестила его в больнице. Пришла вместе с дочерью. Алинка-Малинка жалась к матери. Видно было, доченьке страшен папка, законанный в гипс. Но всё-таки жалость пересилила, и она подошла и сначала осторожно, кончиками пальцев коснулась панциря. А следом погладила ту часть руки, которая не скрыта под гипсовой повязкой: «Папочка...». Но жена, бывшая жена так и просидела на табурете, лишь произнесла с оттенком сожаления и отчасти укора в голосе: «Догонялся...». А затем встала, взяла дочь за руку и добавила: «Виноград я мыла, он чистый. Не бойся. Не пронесёт. Так что — ешь». И дверь палаты за ними закрылась, пропищав напоследок — И-ииии! Он долго потом ощущал след ласкового прикосновения пальцев дочери.

Медсестра Даша внесла в палату стойку с двумя бутылками для капельницы:

— Это жена ваша была?
— Дочка.
— А женщина? Жена?
— Скажем так, — он кривовато улыбнулся, — одна тётенька.
— Понятно.

Даша стала единственной женщиной, с которой он пробыл наедине эти долгие недели обездвиженности. Разумеется, к нему в одноместную палату заходили другие медсёстры, санитарочки, приносившие и уносившие «утки», подкладывавшие под него «судно», докторицы, лаборантки, бравшие кровь из пальца. Молодые и не очень, равнодушные и любезные. Но Женщина была одна. Он не сразу понял это. А когда понял, когда сердце начало заходиться при одном только размышлении о ней, стал стесняться своей беспомощности. Это он-то, давно ничего не смущавшийся, даже бравирующий своей несмущаемостью, раскованностью. А чего смущаться! Все вокруг всего лишь люди-человеки, зрители да соперники по гонкам, а он наособицу — укротитель ревущего Зверя, покоритель скорости, любимец зрителей. И вот теперь — кусок отбивной, упакованный в гипс, под которым нестерпимо зудел каждый квадратик кожи. Но пуще всего смутился, когда понял, что и он небезразличен этой молодой женщине. Как он это понял? А как это понимают? По взгляду ли, по тому ли, как его отводят? По придыханию? Улыбке? По носу курносому? По глазам зелёным? По тому, что истерзанное тело его начало как бы оживать, когда она входила в палату. Потом его

освободили от части гипса, размачивая гипс солёной водой и вспарывая корсет специальными ножницами. Даша была тут же, ассистируя докторам. Андрей стеснялся своей абсолютной наготы именно потому, что она была рядом. Теперь он мог передвигаться самостоятельно, а главное — отпала наконец-то необходимость в помощи санитарок, когда возникала большая или малая нужда. Он ещё был пронизан спицами аппарата Илизарова и даже начал совершать маленькие прогулки от кровати до окна, разглядывал сугробы, уже начавшие оседать к весне. Капельницы давно отменили, но Даша нет-нет, да и заглядывала мимолётно к нему в палату поинтересоваться, как идут дела. Порой, и порог не переступала — больных-то в отделении полно, за зиму наprivозили, в основном — стариков и старух, которые падали и ломали ноги на зимних ледяных покатушках. И всё же — выбирала время, и это были обмены вспышками взглядов, переброска малозначащими с виду словами, обмен улыбками — нечто незримое, неуловимое, непересказываемое, чему даже имени нет. И что умещается в короткое слово: «Любовь». А это была именно любовь, стеснённая гипсом, бинтами, болью, десятками наблюдающих и всё замечающих глаз, белыми стенами палат, сверканием хирургического инструментария и его неверием в то, что любовь всё ещё существует, вопреки собственному победительному опыту обладания этими дурочками, которым лестно нахрапистое внимание

знаменитого гонщика. Однажды он и её попробовал приобнять, вернее, только вознамерился сделать это. Но она поняла его намерение и отстранилась. Не отшатнулась, но как-то чуть-чуть напряглась и выставила ладонь с искривлённым мизинчиком пред ним, пред его оголённой грудью, выпиравшей из незастёгнутой, маловатой ему боличной пижамы.

Время от времени его навещали друзья гонщики. Приносили разные вкусные разности. Дружная у них была конюшня. Гоняли, побеждали, проигрывали. Их любили. В этом уральском городе, ещё с военных лет утыканном заводскими трубами, большая часть из которых перестала дымить в девяностые, народ жаждал острых ощущений. А гонки такие ощущения давали в полной мере. В дни соревнований вдоль трассы выстраивалась уйма народищу. Приходили семьями, брали с собой детей. Трепетали по ветру флаги, поднимался пахнущий подгорающим жиром дым от мангалов, дрянненькое пиво лилось через край. А уж как орал! И что интересное — самыми яркими болельщиками были женщины. Гонщики из мотоклуба стали всеобщими любимцами. Хорошие подобрались ребята... На день рождения притащили в палату ярко-оранжевый новенький мотошлем; Мол, заждалась тебя трасса. В маленькой фляжечке пронесли микроглоток коньяка и настояли, чтобы он выпил:

— Андрюха! Исключительно для здоровья! Расширяет сосуды! Не бойсь! — Он выпил, смакуя, задер-

жавши коньяк во рту, и через совсем короткое время вдруг, словно кто-то погнал в голове по кругу мотоцикл. Он начал клониться, беспомощно поводя руками с растопыренными пальцами. Ребята испугались, кто-то кинулся за медсестрой.

Вбежала Дашута, за ней доктор Василий Егорович, дальше была темнота. Когда он пришёл в себя, ребята в палате, разумеется, след простыл. Дашута сидела рядом на табуретке и придерживала его руку с иглой, введённой в вену. Кроме того, рука привязана была к кровати бинтом, чтобы он в забытьи не дёрнулся.

— Я так испугалась за вас... За тебя. Мы все в отделении...

— Который час?

Она ответила, и он вспомнил, что уже полтора часа, как смена её закончилась. Она должна была бы уйти из больницы, но не ушла, сидела, выхаживала его, поставивши капельницу. Вошла Ирина — дежурившая в тот день постовая медсестра:

— Дашута, ступай домой. Кончится когда, я отсоединю.

— Я посижу, посижу... — и сидела, пока последняя капелька раствора не сорвалась в воздушный фильтр системы. Изъяла иглу из вены, прежде отвязав руку, приложила ватку к месту укола, туго прибинтовав её. Потом достала из кармана нечто, завернутое в марлечку, и протянула Андрею:

— Вот, возьмите. Это вам — к дню рождения.

О, боже мой! У него опять после коньяка стёрлось из памяти нечто важное. Ребята-то приходили по

случаю дня рождения... Хотя, был ли именно этот день днём его рождения? Кто знает, когда он действительно явился на свет и кто его мама. Он родом из детдома. В отличие от многих детдомовских сверстников, всё-таки имевших хотя бы маму, он никого не имел. Никого. Мама оставила его — еле копошащийся свёрток с загноившейся пуповиной — в привокзальном скверике на скамейке. Кто она, куда убыла? Посему и фамилия его Беспрозванный. Андрей Беспрозванный. Почему таким именем нарекли — не знал. А отчество — Василич. Василием звали милиционера, его нашедшего и доставившего в дом ребёнка. Вот, кстати, и фамилию свою вспомнил, и вернулась память о другой, свирепой нянечке детского дома, больно шлёпавшей, если ночью описался в постели. Он развернул марлечку. В неё завернута была маленькая дощечка. На дощечке картинка: бородатый старичок, стоящий на коленях на камне среди леса перед сосной, к которой прибита икона.

— Батюшка Серафим. Он не оставит. Будет помогать.

— Спасибо, Дашенька. Только я в бога неверующий и молиться не умею.

— И не надо уметь. Просто смотрите ему в глаза, а он вам посмотрит. Ну, я пошла...

— Пстой. Дай руку.

Она протянула руку и он, взяв её ладонь, поцеловал. Поцеловал и сам себе удивился. Сроду рук не целовал, а если целовал женщину, то норовил сразу в губы, взасос и любил целовать груди, крепко прихватывая рукой. А тут — нежно. И с особой неж-

ностью искривлённый мизинчик. Поднял голову и увидел, что она закрыла глаза, словно сознание теряя, и дышит так, как дышат женщины, охваченные страстью. И он снова поцеловал руку, особо нежно провёл губами по мизинчику и кончиком языка проник между мизинцем и безымянным пальцем. Даша еле слышно застонала и отёрнула руку.

— Подожди, — сказал он. — Подожди... — ощущая, как вновь начинает кружить в голове давешний мотоцикл. И в то же самое время понимая, что ещё никогда, никогда он не испытывал столь всеохватывающего чувства, как в эти мгновения.

— Я должна, должна...

— Подожди, присядь.

Она вновь присела на табуретку, стоявшую подле кровати.

— Ты... Ты... — он не знал, что сказать и не мог ничего говорить, потому что горло перехватило и во рту пересохло. — Знаешь, как хорошо, что ты рядом.

— Зачем, не надо... Я всего лишь...

— Ты не понимаешь... А что у тебя с мизинцем?

— Это детское... в интернате... один мальчик... дверью прищемил.

— Нечаянно?

— Специально. Я не хотела с ним дружить.

— Плакала?

— Терпела. Иначе бы наказали, выгнали из интерната.

— А почему интернат?

— У нас на хуторе школы не было. На зиму нас троих увозили в село за сорок километров. И мы там жили...

Андрей, содрогнувшись, представил себе явственно и дверь, и хруст косточки, и боль. Он теперь знал, что такое боль...

— Я пойду, — сказала Даша.

— Погоди. Расскажи ещё что-нибудь про себя.

— Ты же уже всё знаешь. Я тебя люблю... — и она поцеловала его в губы совсем по-женски, а затем буквально выбежала из палаты.

Но на следующий день она не появилась в палате. И через день, и через два, и через неделю...

— А она в отпуск ушла, — с каким-то скрытым интонационным намёком в голосе сообщила похожая на сдобную булочку, посыпанную сахарной пудрой, сестра-хозяйка Мариша, пришедшая менять постельное бельё. — С увольнением последующим. Странная она. Недотронутая... К ней доктор наш молодой, Игорь Анатольевич, уж как на День Медика клинья подбивал, как увивался... Чё ж выкобениваться-то! Он — доктор! Неженатый! А она в ни в какую! Вот и довыкобенивалась.

Ну, уволилась — так уволилась... Хотя, почему после всего сказанного и невысказанного не зашла просто попрощаться? Почему? Он тогда долго, неотступно размышлял об этом.

Андрей вышел в тамбур. Дверь на перрон была открыта. Проводница с губами, ярко покрашенными в поллица, любезничала с мужчиной в форменной железнодорожной куртке. На улице мело. Андрей попробовал открыть дверь на противоположную сторону.

— Туда нельзя! — заметив его попытку, сказала проводница.

— Но почему?

— Запрещено.

— А кто может отменить запрет?

— Начальник поезда.

— А он где?

— Вот он я. — отозвался собеседник проводницы

— Разрешите?

— Не-а! Не положено!

— Да почему же?

— Не положено по соображениям вашей же безопасности.

— А если я заплачу?

— Что это вам, пассажир, неймётся? — возмутилась проводница. — Шли бы лучше спать!

— Понимаете, там в окне человек, которого я потерял. Пустите.

— Поднимитесь через переход и спуститесь к тому составу, — сказал начальник. Только не советую. Тот поезд щас отправится.

Андрей буквально спрыгнул на перрон и примерился нырнуть под вагон.

— Ой, вас зарежет, — закричала проводница.

— Сейчас локомотив осаживают... — сказал начальник и ухватил Андрея за рукав куртки. — Смена локомотива.

И, правда: состав дёрнулся, зашипел подаваемый воздух в тормозной магистрали. И стало слышно, как по ту сторону вагона началось движение по параллельному пути. Андрей одним махом вскочил в тамбур и прильнул к дверному окну, чтобы увидеть... А что увидеть? Кого? Фигуру в чёрном? Столь памятный искривлённый мизинчик? Но ниче-

го не увидел. Стекло заиндевело и только чередующиеся блики от освещённых окон убывающего состава проплывали мимо.

Он вновь сошёл на перрон:

— А это какой поезд был?— Спросил он у проводницы.

— Кажись, Красноярский... На Москву впереди нас отправился.

Он пошёл по перрону к торговой палатке, витрина которой была украшена жвачкой, китайской лапшой, бутылками неперменной «Колы» и газировками анилиновых расцветок. Был и шоколад. Он выбрал три плитки, расплатился и пошёл к своему вагону. А ему уже махала рукой проводница:

— Скорее, скорее! Что же вы? Отправляемся!

Он поднялся в вагон, проводница поднялась следом, громыхнула площадкой и хлопнула дверь. Поезд начал набирать ход. Андрей протянул ей плитку шоколада:

— Угощайтесь!

— Ой! За что же?

— Ни за что! Просто угощайтесь,

— Спасибо! А в том поезде кто был? Поди, зазноба старая?

— Мужик один. Два года, как занял пятьсот тысяч «зелёных» и скрывается, и не отдаёт...

— Так вы хотели...

— Запросто!

— Ужас какой!

— Да я шучу, шучу. Постучал бы в окно и рукой помахал.

Андрей вернулся в купе. Ангелина проснулась.

— Ты где был?

— Гостинец тебе принёс. Самарский. Фирменный!

— Ах, ты мой красавчик! Раздевайся, я тебя согрею. Она откинула одеяло и стала видна её подтаявшая грудь и остальные прелести, подрагивающие от хода поезда — сорочку она предусмотрительно сняла.

Уже глубоко полночь он лежал, подложив руки под голову, и вспоминал. Его перевели на Соколиную Гору — в восстановительный многопрофильный центр. Об этом хлопотал тренер Володечкин и сам министр спорта области. Переломы-то срастались и срослись, а вот голова... Когда его выписали с Соколиной Горы, сказали напоследок: гоночная его карьера закончилась навсегда. Да он и сам понимал это — голова часто болела и кружилась. Он даже побаивался ездить на своей машине за рулём. Из восстановительного центра напрямик поехал в клуб. Там его ждали и встретили приветливо. Володечкин похлопал по плечу. Подошли ребята. Андрей увидал несколько молодых лиц. Жизнь продолжалась, но его в этой жизни уже не было. И Володечкин это понимал, а вернее, знал, потому что, скорее всего, общался с докторами и они ему все обсказали.

— Что, Константиныч?

— Да вот думаю, — Володечкин говорил врастяжку, морща лысоватый свой лоб. — Думаю, как тебе поспособствовать.

Они прошли в кандей — так звался у них в клубе склад. В углу стоял его Зверь. Вид у Зверя был неважнец. Падение не пошло на пользу Андрею. Но и Зверь тоже получил свою долю неприятностей. С Володеч-

киным они, они сидючи за чашкой чая, обговорили под аккомпанемент заводимых и прогреваемых двигателей, всё, включая продажу Зверя. Это, конечно, деньги, но не такие уж и большие, с учётом предстоящего ремонта. А работы для Андрея в клубе не было. Да и какой из него работник? Для тренерской работы не годен — образование очень даже среднее. «Не пойдёшь же ты слесарем?!» — полувопросительно, полутверждающе сказал Константиныч.

— Да, — согласился Андрей. — Я понимаю.

— Вот и хорошо. — С облегчением в голосе произнёс тренер. А потом, понимаешь... Тебе здесь всё время быть... Короче, психологически это неважно. Особенно для молодёжи. Но ты не думай; на соревнования мы будем тебя звать. Судьёй. За деньги...

— Константиныч, ты это попусту. Мне инвалидность дали, пенсию... ха-ха... И лекарства бесплатно. Я не потеряюсь... Подлей-ка ты лучше своего таёжного. Хороший у тебя чаёк.

Недели через четыре Володечкин приехал к Андрею вечером домой:

— Я тебя сосватал. На Объездной салон открывается новый. И помимо машин, там будут ещё и мотоциклы продавать — полная линейка. Я предложил хозяйке тебя, она и обрадовалась. Самое, говорит, то, что нужно. Она тебя знает.

— Хозяйка?

— Такая, знаешь... как внедорожник. — Константиныч напружинил плечи и сделал такое лицо, что Андрей поневоле расхохотался, увидев этот внедорожник въявь.

— Завтра и езжай. Она ждёт.

— А как...

— Да запросто. Она тебя, похоже, уважает. Когда-то бывала на соревнованиях, да и по телевизору... Ты же у нас был звезда, гордость области, чемпионнице!

Так он стал сотрудником Ангелины Петровны. Потом помощником. Потом... Как-то раз после близости она уткнулась ему в татуированное плечо и прошептала: «Я тогда на соревнованиях была, когда ты... когда ты эту короткоюбочную от смерти спас. Ты упал, а я тебя так в тот момент захотела, даже живот свело».

Так Андрея скрутила жизнь, сковала — почище гипса. Салон расширялся, машины расхватывали как пирожки. И мотоциклы не стояли. Брала сыновьям. Да и сами «солидные» норовили порезвиться за рулём ревущих монстров. Как-никак, на байке сам Президент ездил — пример-то заразителен. Андрея узнавали, здоровались, тем более, что за стеклом стенда, установленного в торговом зале, призывно сверкали завоёванные им кубки и медали. Однажды пришёл в салон даже батюшка. Румян, плечист, руки — хоть подковы гнуть. Расплатился «золотой» банковской картой, снял камилавку, сунул её в карман рясы, надел шлем — и словно бесы его унесли. Все жалились на трудности, застой и экономический спад, однако покупали, покупали, покупали. Самое интересное, что не только «крутяки», но и чиновники, обалдевшие от приваливающих как бы ниоткуда средств. Много стало и та-

ких, кто садился на кредитную пику голым задом, чтоб только ездить на тачке, «как у людей». Ангелина нарадоваться не могла — дела шли в гору. Да и Андрея мужское его здоровье не подводило. Так и жили.

Но была и другая жизнь, состоящая из воспоминаний. Конечно же, сны про соревнования. Он по-прежнему во сне гонял на Звере, но уже без шлема и не держась за руль. И сам Зверь выбирал правильный маршрут, иногда сбрасывая обороты двигателя, но чаще наддавая и наддавая скорости. Андрей ехал, расставивши руки, и они превращались в крылья и тогда Зверь отрывался от земли и парил над красным суглинком и грязной супесью гоночной трассы. Иногда всё завершалось благополучно. Иногда же Зверь, набрав высоту и скорость, вдруг начинал нестись навстречу земле. И тогда Андрей усилием воли заставлял себя проснуться. Проснувшись весь в поту, не мог потом уснуть. А ещё ему снилась Даша и мизинчик ей искривлённый, и то томительное чувство, охватывавшее его всякий раз, когда она входила в палату. Глупо это все: взрослый он мужик, женщин имел несчётно — когда и как хотел, а сейчас — «при деле и при теле». «Сыт, пьян и нос в табаке»: Ангелина въехала в него не на шутку. Хотя тоже не девочка и, как говорится, не первый раз замужем. И всё у них слаживается, ко взаимному удовольствию. Ан, нет! Снится и снится ему совсем другая и вспоминается тот момент наивысшей близости, когда стояла она рядом, и разделяли их

два тонюсеньких слоя ткани: её медицинский халат, надетый на молодое и такое желанное женское тело, и его больничная дурацкая пижама, не сходявшаяся на груди. Надо бы забыть, а не забывается, не идёт из головы, из самых глубин сознания, над которыми человек не властен.

Однажды он встретил Маришу — сестру-хозяйку из отделения больницы, где его вызволяли с того света. Она ещё больше распушилась, и глаза у неё сделались вовсе бесовские, когда увидела Андрея. Дело было возле базара. У Мариши в руках — две сумищи с покупками. Андрей — на новой машине, на которой, как говорится, и «муха не сидела».

— А не подвезёте ли, молодой-интересный?

Поехали. Путь выдался дальний, в пригородный посёлок. Андрей включил аудиосистему и салон наполнился сладким до приторности баритоном — именно такой музон любила Ангелина. Хотя сам Андрей, когда ездил один, чаще всего слушал Высоцкого — был у него самый полный альбом его песен. Но Маришу следовало ублажать баритоном. Похоже, ей также нравился американец, она пообмякла и разомлела. Наконец подъехали в дому. Андрей достал сумки из багажника и донёс до крылечка. Мариша попросила помочь и занести в дом.

— Неудобно.

— Очень даже удобно. Муж в отъезде. А я вас чаем угошу...

Чай, конечно же, аховый повод для гостевания. Тем более дел сегодня предстояло переделать море. Но Андрей вдруг подумал, что у

Мариши можно будет что-то разузнать про Дашу. Пока он размышлял на эту тему под шум закипающего электрочайника, хозяйка успела переодеться. Она явилась пред ним в ярко-красном халате с большими голубыми цветами на груди и попе:

— С мёдом? Вареньем? Тортиком? У меня «наполеон» свежайший.. А как я выгляжу? Вчера только приобрела! Или в больничном я вам больше нравилась?

В красном халате её стало ещё больше. Она заварила чай из какой-то особой баночки, похвастав, что самолично привезла его с Хайнаня и берегла до особого случая, никого не угощала. А затем, дожидаясь когда чай настоится, села напротив, всё время кокетливо поправляла расходящиеся полы халата. и всё говорила, говорила, говорила, но всё не о том.

— А муж-то где?

— И не спрашивайте. Он у меня весь в делах. Ему не до меня. Два павильона на ипподроме бывшем держит: Обувной и Конфекция. Сейчас в Москве у оптовиков. А я — одна-одинёшенька. Хорошо, что меня подвезли. И музыка у вас такая, прям до этого — ха-ха — достаёт.

— А больница?

— Что больница? Там все по-прежнему. План по койко-местам выполняем.

— А Даша-то не вернулась?

— И не вернётся. Она в такую историю втянулась, в такую историю... А вы и не знаете? И хорошо, что не знаете. Её вечером два джигита возле общежития подстерегли, в машину затащили, увезли в Ди-

кий парк и там изнасиловали. Хорошо, что не убили, хотя хотели, да им помешали, спугнули. — Мариша заметила, как побледнел Андрей, но продолжала. — А ещё они её одной нехорошей болезнью заразили.

Андрей почувствовал, как в голове у него, кто-то нажал на стартер Зверя и сейчас он сорвётся в неостановимый бег по кругу.

— «Чуть помедленнее, кони...» — вспомнил он слова любимой песни. И это, как ни странно, на мгновение помогло. — Их поймали?

— Сидят гады. Я на суд ходила. Они говорили на суде, что она сама их заманила.

И тут Зверь всё-таки сорвался с места...

Они с Ангелиной проснулись, когда поезд уже подходил к Москве. За окном рассвело. Мелькали платформы пригородных электричек с названиями, которые Андрей не успевал прочесть. Потом Казанский вокзал, поездка на такси по раскисленно-снежной Москве до гостиницы с утомительно-разговорчивым нерусским водителем. Разместились в Измайлово в «Альфе» — одной из гостиничных башен. Андрей остался в номере, Ангелина же засобиралась и уехала. Сказала, что на консультацию по женским своим делам в какой-то институт. Андрей, оставшись один, сидеть в номере не стал. Оделся и пошёл в сторону разноцветных теремов, оказавшихся большой барахолкой. Он ходил вдоль прилавков, уставленных останками кем-то прожитой и ставшей ненужной жизни. Вот и он со всеми своими победа-

ми... Кому он нужен? А никому. Разве что — ненасытной Ангелине. И то, поди, до поры до времени. И кубки, и медали, которыми он так гордился, сегодня всего лишь антураж, замануха для покупателей, рекламная уловка. Тут таких кубков, вымпелов и прочей атрибутики — пруд пруди. Попадались на глаза довольно забавные и причудливые вещицы — даже довоенного происхождения. Впечатлил кубок по мотокроссу с портретом Сталина. А рядышком — старинный фотоальбом, и в нём фотографии тогдашних спортсменов-мотоциклистов. Где теперь эти лихие ребята в смешных шлемах, восседающие на забавных мотоциклетах? Поди, все полегли на войне. А потомкам эти победы и на фиг не нужны. Вот и его победы... Однако Ангелине он нужен. Странная она женщина. Была замужем за местным олигархом околонефтяным. Муж, чьей фотографии в доме на виду не было, умер. Она не любила вопросов на эту тему, произнесла лишь однажды слово «Кокс». И всё — дальше как отрезала все возможные вопросы на эту тему. Да Андрей и не вдавался в подробности, полагая, что когда-нибудь она не выдержит и расскажет сама. Долю мужа в нефтянке продала, понимая, что это дело — убойное. Оставила боковой бизнес — торговлю автомобилями премиум-класса. Оказалась бабой хватучей. Ничего мимо не пропускает. Вот и Андрея уцепила, да крепенько. Вроде как влюбилась и его в себя влюбляет. Но обо всём этом он всегда размышлял вскользь. Так проще. Он хорошо уяс-

нил: человеку только кажется, что он управляет скоростью и направлением движения. Слишком памятно падение и красная земля, в которую он воткнулся лицом. Он ходил, дивился на людей, увлечённо копавшихся в хламе и азартно торгующихся с продавцами, а сам все думал о той фигуре в окне напротив. Конечно же, это была она, Даша. Кому же ещё быть, кроме неё!

Когда вернулась Ангелина, был уже вечер. Продолжал мести снег. Он ложился на плиты тротуаров и тут же раскиселивался, превращаясь в серую кашу. Андрей встретил Ангелину возле выхода из метро. Она выглядела подуставшей от московской толчеи. Но какие-то новые, яркие огоньки светились в её глазах.

— Андрюшечка-красавчик! Не пойти ли нам в ресторан?

— Ужинать?

— И ужинать тоже.

Рядом с метро были какие-то заведения, но пойти решили в свою башню, чтобы после застолья не ходить по слякоти. Вернулись в номер. Ангелина щёлкнула замками чемодана, и на свет божий явилось вызывающего фасона зелёное платье, какого Андрей ещё не видел. Следом — туфли с металлическими прибабасами, а-ля чёрт возьми. И колье не дешёвенькое. А ко всему — губы, на помажены, глаза подведены, духи взвихрились, вырываясь из флакона, и волосы взбиты.

— Я тебе нравлюсь?

— Сильна!

— Какой ты... немногословный! Ну, пойдём!

Лифт заскользил вниз, Ангелина любовалась на своё отражение в зеркале, прижимаясь к нему грудью. Андрей же все думал о той женщине в окне напротив. В вестибюле было шумно. Они прошли сквозь толпу заселяющихся, кажется, немцев. Андрей заметил, что Ангелина произвела впечатление на иноземных мужиков. Понятно, почему: высокая, статная, хотя и полноватая — она выгодно отличалась от вяленых иноземочек. В почти пустом ресторане они выбрали местечко — нечто вроде алькова, создающего иллюзию уединения. Тут же, призывно вихляя задом, явился официантик с двумя папками меню.

— Мы подумаем, — сказал Андрей.

— Пожа-пожа... — нежным голосом согласился официантик и, стараясь ступать изящно, отошёл к барной стойке.

— Сегодня заказываю я, — сказала Ангелина, — у меня праздник. Начнём с шампанского. — И, подозвав официантку, потребовала подать французское шампанское самое дорогое. Тут же у стола нарисовалась волоокая тётушка с корзиной роз. Андрей выбрал пять пунцовых роз, именно таких, какие Ангелина любила. Официантик, подхватив розы, унёсся определять их в вазу, передав цветы кому-то, а сам возник у стола с шампанским в серебряном ведёрке со льдом, ловко обернул горлышко туго накрахмаленной салфеткой, отсалютовал пробкой, не упустив ни капельки, и наполнил два узких, вытянувшихся, как по стойке «смирно», бокала. А тут и ваза с розами подоспела.

— Поздравь меня! — сказала Ангелина. У меня все хорошо. У нас все хорошо! Профессор уверил, что все нормально. — И она подняла бокал.

Шампанское непременно пускалось в ход, когда награждали победителей соревнований. Сколь раз и его, Андрея, окатывали струёй, бьющей из-под пальца, как из пульверизатора. И он — также окатывал соперников, предварительно взболтав бутылку. Правда, там в ход шло российское шампанское. Но здесь — французское, самое-рассамое, дорогущее. Не случайно официантик засуетился, почуввав хорошую выручку и чаевые.

— У нас? — спросил Андрей.

— У нас с тобой, у нас! — Ангелина махом опростала бокал.

А на столе уже расположилась серебристая белужья икра в розеточке, которую они не заказывали, но догадливый официантик, как говорится, проинтуичил, что отказа не будет, поскольку эта женщина в обливном зелёном шёлковом платье и мужчина, так ему глянувшийся, — люди денежные и решившие гульнуть. Хотя, эта женщина... Не жаловал он женщин.

Андрей не домогался до причин воодушевления, охватившего Ангелину. Она, как все женщины, подвержена сменам настроений. И поделаться с этим хоть что-то невозможно. Бабы — они и есть бабы! Да, он жил с ней и не очень упирался, когда она отдалась ему. Похоже, Ангелина любила его. Но он-то здесь причём? Володечкин — тренер его бывший — заехал как-то в салон по мотоциклетным надобностям вместе с жир-

ным «карасём», вздумавшим погонять закипающий адреналин по венам. Пока выбирали аппарат, и шло оформление документов, Володечкин вертел головой по сторонам, наблюдал, как Андрей распоряжается по-хозяйски, а на прощание не без зависти в голосе сказал: «Твой главный кубок, Андрюша!»

Ужин был долгим. Они даже потанцевали, когда заиграл оркестрик, и Ангелина прижималась к нему так, что Андрею даже жарко стало. Потом в номере, уже погасив лампу на прикроватной тумбочке, сказала: «Завтра едем в монастырь».

— Да-а? — удивился Андрей.

— Да!

Странно! Ни о каких монастырях прежде речи не велось. Да и вообще казалось: без Бога они вполне обходились, как без пятого колеса у автомобиля. Разве что — та маленькая дощечка со стариком, стоящим на камне под сосною... Но это не про Бога. Это память о любви и ласке. Иногда Андрей глядел старику в глаза, как учила Даша. Но старичок не отвечал на самый важный вопрос: где она? А с Ангелиной... Вообще на божественные темы бесед не вели. То, что у неё в кабинете стояла на стеллаже среди прочих сувенирчиков серебряная иконка — не в счёт. По теперешним временам без иконки — как в прежние времена без портрета Ленина... Не считать же и присловье типа: «Боже мой» чем-то серьёзным. А тут — монастырь!

Утром они спустились в метро, и поезд повлёк их по трубе до станции пересадки. Следом — ещё одна труба

и нарядный вестибюль с барельефами танкистов, пехотинцев, партизан и матросов в простенках между арками. Потом — подъём по двум эскалаторам и выход на необъятную площадь, которую пришлось переходить пешком, шагая по снежной жиже, чтобы попасть на остановку троллейбуса. В магазинчике Ангелина купила огромный букетище белых лилий. Судя по тому, как Ангелина уверенно двигалась, увлекая Андрея за собой, она знала маршрут. Откуда бы? Надо полагать, из прошлой её жизни. Через пару остановок они сошли с троллейбуса, повернули за угол и через ворота попали на монастырский двор. И сразу же слева увидели очередь, хвост которой заворачивал куда-то за церковное здание. А голова очереди упиралась в возвышение перед церковной стеной, на которой висела большая икона. С иконы на людей глядела старуха в белом платочке. Нет, не глядела, потому что глаза зажмурены. Сверху над иконой — фигурный козырёк, укрывающий от непогоды, а по бокам — два фонаря под старину. Народу полным-полно, а тихо. Люди — всё больше женщины, хотя и мужчин немало, поднимаются по приступочкам. Многие с букетами цветов. Кладут цветы. Стоят перед изображением, крестятся, шепчут.

— Ты со мной в очередь? — Спросила Ангелина.

— Я поброжу.

Она ушла за храм, где начиналась очередь.

«Чудно», — думал Андрей. Он-то думал, что они едут в Москву по

делам салона да ещё — прочесать здешние бутики. А тут вот оно как! Он пошёл по заснеженной аллее. Удивительно: за монастырской стеной снег, вымешанный колёсами и ногами пешеходов, чёрен. А здесь — бел и не думает подтаивать. Аллея упёрлась в решётку, за которой начинался парк отдыха. Забавно, но сразу после решётки, отсекавшей монастырскую территорию от парка, вместе белого снега на дорожке — бело-серая снежная мешанина. Видна голубая эстрада-раковина с тёмными и мокрыми скамейками. А дальше — футбольное поле, на котором, азартно покрикивая, мальчишки гоняли мяч.

— А, ить, на костях нафутболивают! — услышал Андрей чей-то голос за спиной.

Он повернулся. Эти слова произнёс старенький-престаренький мужичонка в драповом пальто и драповой же кепке, насунутой глубоко по самые брови и оттопырившей уши.

— Я говорю, кладбище там старинное. Было. А теперь — стадион. Попущение.

— Неужели кладбище?

— До самой стены. А теперь — культура и отдых.

Андрей не стал поддерживать разговор, хотя видно было, что мужичонка готов продолжить беседу. Он повернул назад и по аллее пошёл к церкви, возле которой медленно продвигалась очередь богомольцев. Ангелины не было видно. Он прошёлся вдоль вереницы жаждущих поклониться иконе и наконец-то увидел Ангелину. Норковая шуба

была явно кстати. Вроде бы и не холодно, но всё-таки влажный московский ветерок давал о себе знать. Студил знатно. Лёгонькое пальтецо Андрею не очень-то помогало. После падения он вообще стал быстро зябнуть.

— Ты иди, — сказала Ангелина, поправляя ему кашне, — погрейся. Там есть магазины, разными церковными вещами торгующие. А рядом можно чаю выпить горячего.

— А ты?

— Я достою. Так надо. А ты подойдёшь, когда я рядом буду. Иди-иди, миленький мой. Грейся.

В магазине было многолюдно. Вдоль прилавков толклись женщины, разглядывающие товар: иконы, крестики, цепочки, фарфоровых ангелочков, фигурные подставочки под свечки, коробочки с ладаном, колечки и много чего ещё, чему Андрей имени не знал. Его же внимание привлекла большая икона с тем самым старичком, что и на маленькой дощечке, подаренной Дашей. Кстати, где она? Затерялась? Конечно же: в его квартирке, где Андрей теперь бывал лишь изредка, поскольку перебазировался в загородную усадьбу Ангелины с её двухэтажным домом, гостевым домиком, баней с бассейном, фруктовым садом — словом, туда, где можно было жизни радоваться. Изображений старичка в магазине много, самого разного размера.

— Батюшкой Серафимом интересуетесь? — тихим голосом спросила его немолодая монашка, стоящая за прилавком.

— Да. Вот... — неопределённо ответил Андрей. На самом деле он впервые внимательно вгляделся в лицо старичка. На той, дарёной дощечке всё было маленьким. А здесь — большим, ясно различимым. Лицо старичка показалось ему сумрачным, отчуждённым каким-то и даже недобрим. Но только — по первому впечатлению. Вглядываясь пристальнее, Андрей ощутил: взгляд батюшки Серафима исполнен внимания, понимания и сочувствия. Как ему недоставало этого в детском доме! Как недоставало... Там каждый был за себя, стараясь пробиться ближе к воспитательнице. А она — одна на всех... Да и воспитательницы были разные. Одна только Евдокия Гордеевна умела оставаться равной для всех. А были и такие, что сразу определяли себе в группе любимчиков, особенно подлиз-девчонок и ласковенького и послушненького втирушу Владика. А Надежда Казимировна ябед привечала. Там надо было уметь привлечь внимание к себе любимым способом, быть громогласным, как-то выделиться. Андрей в подлизы не лез. Как-то так вышло, что он рано понял: надо стараться становиться сильным и рвать напролом. Видно, отсюда страсть к гонкам и постоянная нацеленность на лидерство. А внимания и сочувствия всё равно не хватало. Кстати, его бывшая супружница тоже детдомовская, только тремя классами младше. И тоже горлопанка, всё горазда брать с боя, даже то, в чём отказа нет. Все они в детдоме недолюбленные, а следовательно, к любви не привычны. С воз-

растом Андрей научился ухватывать, как ему казалось, недополученное с детства. Да только видимость это была, одна видимость...

Внезапно ему показалось, что кто-то пристально смотрит на него. После падения и травмы так с ним уже случалось. словно бы тогда, ударившись головой, что-то переключилось в голове, и обрёл новые способности. А может, ему это казалось... Бывало, он улавливал чужой взгляд, словно гвоздь в него вонзался. Улавливал, но чаще всего не узнавал смотрящего. Обычно он списывал это на свою все ещё продолжающуюся популярность — зря разве столько раз мелькал на экранах и на газетных страницах. Но здесь-то, в Москве, да в монастыре... Андрей обернулся. За прилавком, рядом с немолодой монахиней, стояла Даша в чёрном одеянии, и в чёрном же платке, повязанном так, что волос не было видно. Но без чёрного колпака на голове, как у монахини. Она вынесла какую-то коробку из подсобки, да так и застыла, узнав со спины Андрея. И он оторопел и застыл

— Что же ты, девонька? — сказала монахиня. — Подавай укладку-то. Видишь, покупательница ждёт.

Даша передала коробку и вышла из-за прилавка навстречу Андрею. О! Это была она и не она... Нет, не она! Хотя глаза её, и носик вздёрнутый, и губы... Но взгляд совсем иной. Будто из невероятной глубины.

— Как ты меня нашёл?

— Ты прошлой ночью ехала в поезде, — сказал Андрей, чувствуя, как горло у него перехватывает.

— Да. Ездил к себе в деревню. Могилкам родительским поклониться напоследок. Ты этим же поездом ехал?

— Я увидел тебе из окна другого поезда в Самаре.

— Вот как... Ты и не искал меня?

— Нет. Тогда я решил, что ты меня отрезала.

— Не могла по-другому. Себе была противна.

— Мне рассказала. Марина... Я тебя любил... Люблю...

— Руки на себя решила наложить... — она выпростала запястья из рукавов, и Андрей увидел красные ещё шрамы поперёк руки. — Господь уберёт. Скоро постриг приму.

— Девонька! — тихо, но повелительно произнесла монахиня из-за прилавка. — Дела не ждут!

— Чувствуешь себя как?

— Живой пока.

— Ты здесь один?

— Нет.

— С женщиной?

— Да.

— И, слава Богу! — И глаза её, по-прежнему прекрасные глаза подёрнулись слезами. — Храни вас обоих Господь! Храни тебя...

Она повернулась и пошла. И скрылась за дверью подсобного помещения.

— Всё! — Подумал Андрей. — Всё! Теперь навсегда. Навсегда...

Он вышел на улицу. Похолодало. Повалил снег, да крупнющий. Ангелина была уже совсем рядом с иконой. Завидев Андрея, замахала рукой. Он подошёл и влился в медленно движущийся поток. Лиц тех, кто был впереди, он не разглядел.

А лица стоящих позади и рядом были в чём-то едины: лежал на них отпечаток какой-то тяготы и печали. А ещё и ответ надежды.

— Возьми! — сказала Ангелина, протянувши Андрею длинную и толстую свечу.

— Нет-нет! Не могу. Не могу! Не сейчас... — он отошёл и встал обочь очереди богомольцев.

Снег повалил ещё гуще. Снежинки летели какие-то необычайно крупные, на манер тех, что рисуют в детских книжках. Каждая виделась по отдельности, отчётливо. Каждая была событием. Странно: когда бы он рассматривал каждую снежинку? Снег всегда был всего лишь дополнительным отягощением во время гонок — и не более. Летел, взвихриваемый шипованными колёсами Зверя. А теперь, а теперь... Этот снег, и ещё глаза Даши, наливающиеся слезами...

— Почему ты не подходишь? — услышал он напряжённый, на грани срыва, голос Ангелины. Андрей повиновался, успев в самый последний момент встать рядом с ней на возвышение пред иконой старой слепой женщины.

— Крестись, крестись! — прошептала Ангелина, торопливо и мелко крестясь сама. Андрей также перекрестился и помог Ангелине сойти по ступенькам. Они отошли в сторонку, и он перчаткой стряхнул снег с её шубы.

— Я и не знал, что ты такая богомольная.

— Вы, мужики, никогда ничего не знаете, даже когда рулить берётесь. Несётесь да головы себе сворачива-

ете... Знаешь, мне вчера профессор сказал, что всё будет хорошо.

— А что? Могло быть плохо?

— Дурачок ты мой ненаглядный! Ребёночек у меня будет. От тебя. Мальчик!

Поехал, поехал в голове у Андрея Зверь, самовольно и круто закладывая вираж и выбрасывая из-под заднего колеса струю снега.

— Что с тобой? Что? — испугалась Ангелина, увидев, как бледнеет его лицо, схвативши за рукав пальто.

— Ничего, я сам. Сам! Правда? Ты правду говоришь?

— Господи! Ну, конечно же! Я и не надеялась. А тут профессор...

Она не смогла, как говорила, залететь от мужа, хотя, по первости, они и не сильно старались, откладывая это за делами да деньгами, да под конец — под кокаином-коксом — на «потом». А потом «потом» уже не наступало. Хождение по врачам города и в рекламируемых клиниках не помогало. А напоследок — белые

дорожки на полированной глади стола и потаскухи, с которыми она мужа неоднократно застукивала в бане. А потом — передоз и смерть.

Андрей вдруг снова совершенно отчётливо ощутил, что некто смотрит ему в спину, нет, в самый затылок, проникая в глубины мозга. Он обернулся: старая женщина на иконе разомкнула плотно сжатые веки и смотрит внимательно и испытующе. Это ли видение, резкий ли поворот головы — ускорили рывок Зверя. Андрей, поддерживаемый Ангелиной, сделал несколько неверных шагов вперёд и опустился на скамейку. Снег повалил густо-густо. Совсем рядом, на столе, рядом с палаткой, торгующей монастырской выпечкой и горячим чаем в пластиковых стаканчиках, воробьи, суется и оглушительно чирикающая, расклёвывали кусочки кем-то заботливо накрошенного пирога.

— Господи! — прошептал Андрей, — Гоооссподи!